

Лев Натанович Лунц

**"Родина" и другие
произведения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л34

Л34 **Лев Натанович Лунц**
"Родина" и другие произведения / Лев Натанович Лунц – М.: Книга по Требо-
ванию, 2012. – 44 с.

ISBN 978-5-4241-3010-6

Утопист и абсурдист, подрывающий эстетические устои, сочинитель, опередивший свое время, испытавший гнет политической цензуры, борец и организатор литературного процесса, - Лев Лунц предстает одной из значительных фигур литературы XX века.

ISBN 978-5-4241-3010-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лунц Лев
'Родина' и другие произведения

Лев Лунц
"Родина" и другие произведения.

Рассказы

В пустыне

Родина

Исходящая № 37

Фельетоны

В вагоне

Верная жена

Патриот

Статьи

Почему мы Серапионовы Братья

Об идеологии и публицистике

На Запад!

Работа над книгой проводилась в рамках научных проектов Центра по исследованию и документации восточноевропейского еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме.

При публикации сохранены некоторые особенности правописания оригинала.

Составление, послесловие и примечания - М. Вайнштейна.

РАССКАЗЫ

В ПУСТЫНЕ

I

Ночью, разведя вокруг лагеря костры, они спали в шатрах. А утром голодные и злые - шли дальше. Их было много: кто исчислит песок Иакова и сочтет множество Израиля? И каждый вел с собой скот свой, и жен своих, и детей своих. Было жарко и страшно. И днем было страшнее, чем ночью, потому что днем было светло тем золотым и гладким светом, который в неизменности своей темней ночного мрака.

Было страшно и скучно. Нечего было делать - только идти и идти. От палящей скуки, от голода, от пустынной тоски, лишь бы чем-нибудь занять свои волосатые руки с тупыми пальцами, - крали друг у друга утварь, шкуры, скот, женщин и укравших убивали. А потом мстили за убийства и убивали убивших. Не было воды, и было много крови. А впереди была земля, текущая молоком и медом.

Убежать было некуда. Отставшие умирали. И Израиль полз дальше, сзади ползли звери пустыни, а впереди ползло время.

Души не было: ее сожгло солнце. Было одно тело, черное, сухое и сильное бородатое лицо, которое ело и пило, ноги, которые шли, и руки, которые убивали, рвали мясо и обнимали женщин на ложе. Над Израилем же многомилостивый и долготерпеливый, справедливый, благосклонный и истинный Бог - черный и бородатый, как Израиль, мститель и убийца. А между Богом и Израилем - синее, гладкое, безбородое и страшное небо и Моисей, вождь Израиля, бесноватый.

II

Каждый шестой день вечером трубили рога, и Израиль шел к Скинии Собрания и толпился перед большой палаткой из крученого виссона и разноцветной шерсти. А у жертвенника стоял Аарон, первосвященник, - черный и бородатый, в драгоценном ефode, - кричал и плакал. Вкруг него сыны его, и внуки его, и

родичи его из колена Леви, - черные и бородатые, в пурпуре и червле, - кричали и плакали. Израиль же, - черный и бородатый, в козьих шкурах, голодный и трусливый, - кричал и плакал.

А потом творили суд. На высокий помост всходил Моисей, бесноватый, говорящий с Богом и не умеющий говорить на языке Израиля. И на высоком помосте билось его тело, изо рта была пена, и с пеной были звуки, непонятные, но страшные. Израиль дрожал и выл, и, падая на колени, молил о прощении. Виновные каялись и каялись безвинные, потому что было страшно. И кающихся побивали камнями. А потом шли дальше, в землю молока и меда.

III

Когда трубили рога,

- золото, и серебро, и медь, и шерсть голубую, и пурпуровую, и червленую, и виссон, и козью шерсть, и кожи бараньи, окрашенные в красный цвет, и кожи тахашевые, и дерево ситим, ароматы для елея и помазания и благовонных курений, и драгоценные камни,

- нес Израиль к Скинии Собрания, когда трубили рога. А Аарон же, и дети его, и внуки его, и родичи его из колена Леви брали себе принесенное.

А у кого не было золота, пурпура и драгоценных камней, - тот нес блюда, и тарелки, и чаши, и кружки для Возлияния, и все лучшее из елея, все лучшее из винограда и хлеба, и хлеба пресные, и хлеба квашеные, и лепешки, помазанные елеем, и баранов, и тельцов, и овнов.

А у кого не было ни елея, ни винограда, ни скота, ни утвари, - того убивали.

IV

Когда же не было больше сил итти, когда песок сжигал ступни и солнце кожу, а воды не было, когда ели ослиatinу и пили ослиную мочу, - тогда Израиль шел к Моисею и плакал и грозил: "Кто накормит нас мясом и напоит нас водой? Мы помним рыбу, которую ели в Египте, и огурцы, и дыни, и лук, и репчатый лук, и чеснок. Куда ты ведешь нас? Где эта страна, текущая молоком и медом? Где твой Бог, который ведет нас? Мы не хотим бояться Его. Мы хотим итти назад, в Египет." И в ответ Моисей, вождь Израиля, бесноватый, бился на помосте, изо рта его была пена, и были бранные слова, непонятные, но страшные. Аарон же, брат его, в пурпуре и червле, стоял рядом и грозил и кричал: "Убейте ропшущих!" И ропшущих убивали.

Если же продолжал Израиль роптать и восклицал: "Разве мало того, что ты вывел нас из земли Египетской, чтобы погубить нас в пустыне? А в землю, текущую молоком и медом, ты не привел нас, и виноградников и полей не дал нам. Мы не пойдем, нет, не пойдем!" - тогда говорил Аарон родичам своим из колена Леви: "обнажите мечи и пройдите среди народа." И обнажали сыны колена Леви мечи и проходили среди народа и каждого стоящего на пути убивали. Израиль же кричал и плакал от страха, потому что Моисей говорил с Богом, а у левитов были мечи.

А потом подымались и шли дальше в землю молока и меда. И годы ползли, как полз Израиль, и Израиль полз, как ползли годы.

V

Если встречали по дороге племя или народ, то его убивали. Рвали жадно, по звериному, и, разорвав, ползли дальше. А сзади ползли пустыни, и рвали и жрали остатки народа жадно, как Израиль.

Едоамитян, и моавитян, и васанитян, и аморейцев втерли в песок. Жертвенники их разорили, и высоты их разрушили, и священные деревья их срубили. И никого не оставляли в живых. А добро, и скот, и женщин брали себе и, насладившись женщиной ночью, на утро убивали ее. У беременной распарывали чрево и убивали плод, а женщину брали себе до утра, - утром же убивали. И все лучшее из утвари, из скота и из женщин брало себе колено Леви.

VI

Годы ползли, как полз Израиль. И вместе с годами и с Израилем ползли голод, и жажда, и страх, и ярость. Нечего было нести к Скинии Собрания, когда трубили рога. И Израиль убивал скот свой и нес его к Аарону и родичам его из колена Леви. Тех же, кто приходил с пустыми руками, - убивали. И все чаще шел Израиль к Моисею и кричал и роптал, и все чаще обнажали сыны колена Леви мечи и проходили среди народа. И росли дети, и годы, и страх, и голод.

VII

И было раз. И вот встретил Израиль медианитян. И был великий бой. Финеес же, сын Елеазара, сына Аарона, первосвященника, вел Израиль, и священные сосуды и трубы для тревоги были в руках его. И победил Израиль и, победив, неистовствовал. А потом делил скот и женщин. И лучшее стадо, и лучшую женщину взял себе Финеес, внук первосвященника.

И было утром. И вот наслаждался Финеес женщиной и взял меч свой, чтобы убить ее. А женщина лежала нагая. И не мог убить ее Финеес. И вышел он из шатра и позвал раба и, дав ему меч, сказал: "войди в шатер и убей женщину." И сказал раб: "хорошо, я убью женщину." И вошел в шатер. И вот прошло время, и сказал Финеес другому рабу: "войди в шатер и убей женщину и того, кто лежит с ней." И потом сказал это третьему, и четвертому, и пятому рабу. И они говорили: "хорошо" и входили в шатер. И вот прошло время, и никто не вышел из шатра. Тогда вошел Финеес в шатер, и вот рабы на полу убитые, вошедший же последним лежит с женщиной. И взял Финеес меч и убил раба и хотел убить женщину. А женщина лежала нагая. И не мог убить ее Финеес и пошел и лег у входа в Скинию Собрания.

VIII

И началось великое безумие и блуд в Израиле. Потому что женщина лежала на ложе, а сыны Израилевы убивали друг друга у входа в шатер, и победивший ложился с женщиной. И когда выходил он из шатра, - его убивали.

Так проходил день, и за днем тьма, и за тьмой снова день, и за днем снова тьма. Не было хлеба, но никто не роптал, не было воды, но никто не жаждал.

А на шестой день вечером не затрубили рога, и Израиль не пошел к Скинии Собрания, но толпился вокруг шатра Финееса, сына Елеазара. Финеес же лежал у входа в Скинию Собрания.

И отошел седьмой день, день субботний, и не собрался Израиль у Скинии Собрания, и не принес приношений. И приходили сыны колена Леви, чтобы убить женщину, но убивали друг друга, и победивший ложился с женщиной.

А Моисей, бесноватый, бился на помосте и кричал, и изрыгал пену и бранные слова, но никто не слушал его.

А Финеес, сын Елеазара, лежал у входа в Скинию Собрания, но никто не смотрел на него.

И стан Израйля не полз дальше в страну, текущую молоком и медом, но стал.

И стали звери пустыни, ползущие за ним, и стало время.

IX

И было на десятый день, и вот вышла женщина из шатра и пошла по стану нагая. Израиль же полз за ней по песку и целовал следы ее ног. И сказала женщина: "разружьте жертвенники Бога вашего и постройте высоты Ваалу Фегоре, потому что он истинный Бог." И разрушил Израиль жертвенники Бога своего и построил высоты Ваалу Фегоре. И пошла женщина к Скинии Собрания, но у входа в Скинию лежал Финеес, сын Елеазара. И не решилась женщина войти в Скинию, но сказала: "что лежишь здесь, точно пес пустыни? Приходи ко мне в шатер свой и ложись со мной." И сказала еще: "ударьте этого человека!" И вышел Зимри, сын Салу, начальник поколения Симеонова, и ударил Финееса ногой. И пошла женщина в шатер. И Зимри, сын Салу, пошел за ней. И было вечером. И вот встал Финеес, сын Елеазара, и пошел в шатер свой, чтобы лечь с женщиной. И увидел Израиль, что идет Финеес и расступился перед ним. И вошел Финеес в шатер, в руке же его - копьё. И вот женщина лежит на ложе нагая, и на ней Зимри, сын Салу, нагой. И ударил его Финеес, сын Елеазара, копьем выше крестца и пронзил чрево его и чрево женщины, и вонзилось копьё в ложе. Тогда опрокинул Финеес шатер, и увидел Израиль женщину и Зимри сына Салу голых и пригвожденных к ложу и завыл и заплакал. А Финеес, сын Елеазара сына Аарона, первосвященника, пошел и лег у входа в Скинию Собрания.

X

И было утром. И вот нет хлеба, и нет мяса, и нет воды. И проснулся голод, и жажда, и страх, и ярость. И пошел Израиль к Моисею, бесноватому, и сказал ему: "кто накормит нас мясом и напоит нас водой? Мы помним рыбу, и репчатый лук, которые ели в Египте, и огурцы, и дыни, и лук, и чеснок. Зачем ты привел нас в эту пустыню, чтобы умереть здесь нам и скоту нашему? А в землю, текущую молоком и медом, ты не привел нас. Мы не пойдем, нет, не пойдем." И в ответ Моисей, говорящий с Богом, бился на помосте, изо рта его была пена, и были бранные непонятные слова. И встал Аарон, первосвященник и сказал сынам колена Леви: "обнажите мечи и пройдите по стану." И обнажили сыны колена Леви мечи и прошли по стану и каждого, кто стоял на пути, убивали.

И было вечером. И вот встал Израиль и пополз в землю, текущую молоком и медом, впереди ползло время, и сзади ползли звери пустыни и ползла тьма.

Финеес же, сын Елеазара, шел последним и, идя, оборачивался. И вот сзади женщина и Зимри, сын Салу, начальник колена Симеонова, голые и пригвожденные к ложу.

А над Израилем и над временем, и над страной текущей молоком и медом, черный и бородатый, как Израиль, мститель и убийца, - Бог, - многомилостивый и долготерпеливый, справедливый, благосклонный и истинный.

Март, 1921 года.

РОДИНА

В. Каверину.

I

- Ты сам не знаешь себя, Веня, - сказал я: - да взгляни на себя.

Зеркало. И в зеркале высокий человек с могучим лицом. Черные волосы гневно падают на упрямый лоб, а под спокойными, ясными бровями страстно светят дикие, глубокие, пустынные глаза.

- Веня, ты не видишь себя. Вот таким пришел ты из Египта в Ханаан, помнишь? Это ты лакал воду из Херона, вот так, животом на земле, жадно и быстро. А помнишь, как ты нагнал того, ненавистного, когда он запутался волосами в листве и повис над землей? Ты убил его, и кричал, и он кричал, и кедр кричал...

- Глупый ты, - ответил Веня. - Что ты пристал. Я не люблю евреев. Они грязные...

- Веня, да. Но ведь в каждом еврее, вот в тебе, древний... ну как сказать? - пророк. Ты читал Библию? Вот я знаю, что и во мне, у меня лоб высокий... но, смотри, я маленький и щуплый, у меня нос вниз смотрит к губе. Львом зовут меня, Иегудой, а где во мне львиное? Я хочу и не могу выжать из себя, вызвать то суровое и прекрасное... Пафос, Веня. А ты можешь, у тебя лицо пророка.

- Отстань, Лева, сделай милость. Я не хочу быть евреем.

В Петербурге летним вечером я с приятелем за самогоном. В соседней комнате отец мой, старый польский еврей, лысый, с седой бородой, с пейсами, молится лицом к востоку, а душа его плачет о том, что единственный сын его, последний отпрыск старинного рода, в святой канун субботы пьет самогон. И видит старый еврей синее небо Палестины, где он никогда не был, но которую он видел, и видит, и будет видеть. А я, не верящий в бога, я тоже плачу, потому что я хочу и не могу увидеть далекий Иордан и синее небо, потому что я люблю город, в котором я родился, и язык, на котором я говорю, чужой язык.

- Веня, - говорю я: - слышишь отца моего? Шесть дней в неделю он торгует, обманывает и ворчит. Но на седьмой день он видит Саула, который бросился на меч свой. Ты тоже можешь увидеть, ты должен, в тебе восторг и испуг, и жестокость, Веня.

- Я сух и черств, - отвечает он: - я не люблю евреев. Зачем я родился евреем? Но ты прав. Я чужой себе. Я не могу найти себя.

II

- Так я тебе помогу, - сказал я: - идем, Веня.

За стеной отец перестал молиться. Сели за стол: отец, мать, сестра. Меня не звали, меня уже три года не звали; я жил, как филистимлянин, в их доме. Их дом стоял под вечно-синим небом, окруженный виноградниками, на горе Вифлеемовой. А мой дом выходил на Забалканский проспект, - прямой, чужой, но прекрасный. И мое небо было грязное, пыльное и холодное.

Революция: пустые улицы. Белый вечер. Как полотно железной дороги, плывет улица, суживаясь вдаль. Как стая птиц, летят трамвайные столбы.

- Веня, когда я смотрю на этот город, мне кажется, будто я уже видел его когда-то, вот таким: жарким, прямым и чудовищным. И будто мы с тобой уже встречались в нем, и ты был такой же, только в другой, странной одежде. Ты смеешься надо мной...

Но он не смеется. На Обуховском мосту, он черный и дикий, он вырастает из себя, простирая руки над рекой. Серый плащ взлетает за его плечами и пустынные, страстные глаза видят.

- Да! - кричит он. Голос его звучит, как струна, протяжно и мощно. - Я помню. Мы плыли с тобой на лодке. Круглой как шар. И мы толкали ее баграми. Было жарко...

- Было жарко! - отвечаю я ему криком. Мы смотрим испуганно, выросшие,

горящие, и узнаем друг друга.

И вдруг сгибаемся униженно и смеемся.

- Какой ты чудак, - говорит Веня: - даже я не выдержал. Чепуха.

Белый летний вечер. Окруженная сухими каменными домами, стоит хоральная синагога. По широким ступеням поднимаемся мы, а навстречу из синагоги выходит старый шамеш, служка, плюгавый. Говорит:

- Ах, это опять ви? Шиводня никак нельзя. Шиводня суббота.

Это он ко мне. Я не в первый раз прихожу к нему. И не в первый раз отворачиваюсь от него, гнусного.

Не глядя, сую ему в руку деньги, а он, скользя, как мышь, бесшумно ведет нас через сени в гигантскую спящую залу.

Веня идет скучающий и лениво смотрит по сторонам. А я мелко семеню, потупив глаза.

- Шюда, говорит шамеш.

Едва заметная дверь хрипит, отворяясь. И жестокий холод охватывает нас. Вниз ведут скользкие ступени. Мерцает светильник. А дверь за нами закрылась.

- Слушай!

Далеко внизу - гул.

- Я уж был здесь трижды, Веня. Я боялся... А с тобою не боюсь.

- Я тоже не боюсь, - говорит он: - но я не хочу итти. Я не хочу.

Он говорит: я не хочу - и идет вниз по скользким ступеням. Я не хочу говорит он и идет.

Спуск долог и душен. И чем дальше мы идем, тем все громче становится гул. Светильник мерцает по-прежнему.

Ступеней больше нет. Стена. За стеной высокий, густой гул, шум колес и удары бичей. А светильник потух.

- Лев, - говорит Веньямин: - идем!

- Здесь стена, Веньямин. Я много раз был здесь. Выхода нет.

И опять во тьме его голос зазвучал, как струна, протяжно и мощно:

- Иегуда! Сюда! Я знаю путь!

Тягуче открылась каменная дверь, и горящее золото солнца бешено ударило мне в лицо.

1

Первое, что помнил Иегуда:

Прямая, как царская дорога, улица. Тяжелое, сонное солнце слепит великий город, и белая прозрачная пыль плывет над Иегудой. Иегуда - мальчик в холщевом грязном хитоне и грязной тунике - сидит на мостовой и глотает пыль. Мимо летит колесница. Могучие кони, раскинув-шись веером, бегут храпя и задрав к небу безумные морды. А навстречу несется другая колесница. И с пыльным грохотом на узкой улице разъезжаются они, не замедляя твердого бега. Иегуда сидит посредине, и звонкие лидийские бичи свистят над его головой. Первое, что полюбил Иегуда.

Великий город, прямые и стремительные улицы, прямые точные углы и огромные спокойные дома. В Вавилоне родился Иегуда. Был он невысок и быстр, и дух его был слаб, как дух птицы неразумной, но хитрой. У него не было ни отца, ни матери, ни деда, ни друга и никто не знал рода его и племени, но был он

иудеем. Иегуда знал: далеко на запад, за пустыней, лежит прекрасная страна, откуда пришла мать его, которой он не знал, и отец его, которого он не помнил. Иегуда видел, как соплеменники его молились на запад, умоляя таинственного и страшного бога Иагве о возвращении в страну предков. Но Иегуда не молился. Потому что он жил на улице и любил белую прозрачную пыль города, в котором он родился, Вавилона.

2

Но когда дул ветер с запада, желтела прозрачная пыль и колола глаза. Тогда вставал с земли Иегуда и бежал, покуда не утихал ветер. Как дикий, низейский конь, летел Иегуда по прямым улицам... На земле, глотая пыль, лежали вавилоняне и грелись под солнцем, Иегуда перепрыгивал через них, обгоняя колесницы, и львиной гривой развевались по ветру его рыжие иудейские волосы. Ветер дул с запада, через пустыню, из тех мест, откуда пришел отец Иегуды, которого он не знал, и мать, которой он не помнил. И желтый ветер пустыни поднимал Иегуду и нес, как песчинку, по Вавилону. Вавилон же раскинулся над Ефратом, прямыми улицами и прямыми перекрестками. Прямые, как солнечные лучи в полдень, падали улицы в реку, проходя под высокими набережными, и, прорвав медные ворота, ступенями спускались к реке. Камнем из пращи пробегал Иегуда под воротами, бросался в быструю воду и плыл. Река густо пестрела лодками и не раз ударяли иудея баграми и не раз окликали его грубо и больно. Но Иегуда не слышал и не видел. Переплыв реку, он взбегал по ступеням и, не стяхнув холодных, светлых капель с хитона, летел дальше, гонимый западным ветром.

Он был хил и немощен, но когда дул ветер из пустыни, то с восхода до заката и с заката до восхода бежал он быстрее ангаров, царских скороходов. Он пробегал мимо старого дворца на правом берегу, пробегал под пестрым новым дворцом, что стоял на горе. Восемь раз обегал он храм Бэла-Мардух, восемь раз по числу башен, стоящих одна на другой. Четырежды обегал он холм Бабил, где четырьмя этажами, высоко над городом, висели таинственные сады. Стража била Иегуду тупыми пиками, а стрелки натягивали толстую тетиву, чтоб посмотреть, обгонит ли стрела Иегуду. Стрела обгоняла. А Иегуда неутомимый, как желтый ветер, дующий с пустыни, бежал дальше по городу.

Вокруг города ползла великая стена Нилитти-Бэл. В четыре стороны света смотрела она, и все четыре стороны были равны, как ладони измерения. Сто ворот прорезали стену и у ста ворот трубили бактрийские трубы, возвещая закат. Вал был широкий, как улица, и на валу была улица. К вечеру поднимался Иегуда на западную стену и бежал по краю ее, глядя в пустыню, откуда дул ветер. Когда же стихал ветер, а пыль снова делалась белой и прозрачной, ложился иудей на стену и смотрел на запад, туда, где была таинственная, прекрасная, чужая страна.

3

Когда же дул ветер с болот, сырой смрад вползал в Вавилон. Тогда уходили люди в дома, а кони опускали головы, замедляя бег. И тогда вплывала в душу Иегуды тоска. Он вставал и понуро шел через мост на правый берег, где в низких, унылых домах жили иудеи. Шел он тяжело, шатаясь, как идет юноша, в первый раз возвращающийся с ложа женщины. И дойдя до соплеменников своих, жадно слушал звонкие и жестокие слова пророка о далекой чудесной стране. Но Иегуда не верил пророку, и росла в душе его тоска.

И было раз, когда слушал он пророка; вот взоры его упали на юношу, который стоял поодаль. Был юноша высок с могучим лицом. Черные волосы гневно падали на упрямый лоб, а под спокойными, ясными бровями страстно светили дикие, глубокие, пустынные глаза. Иегуда узнал юношу, но не мог вспомнить, где он видел его. И в душе его говорили непонятные слова. Видел он серое, незнакомое, холодное небо, и холодный ветер свистел в его уши.

А юноша смотрел на Иегуду и тоже узнал его. Мучительно напрягся его упрямый лоб, и глаза ушли глубоко: видели серое, незнакомое, холодное небо. Иегуда подошел к нему и спросил:

- Кто ты, юноша?

И ответил юноша:

- Я Беньюмин, имени отца своего не знаю. А ты кто, юноша?

И ответил Иегуда.

- Я Иегуда, иудей, имени отца своего не знаю.

Тогда сказал Беньюмин:

- Я тоскую, Иегуда. Я пришелец в Вавилоне. Где родина моя?

И повторил Иегуда.

- Где родина моя?

И замолчали оба. Часто и высоко дышали они, а из души поднимались непонятные слова. И вдруг увидал Иегуда, что на левой руке юноши, ниже плеча, белели три пятна треугольником, точно следы язвы. И вскрикнули оба на чужом странном языке.

И сказал Беньюмин:

- Я знаю тебя.

И сказал Иегуда:

- Я знаю тебя.

Так стояли долго и смотрели, недоумевая. А пророк кричал звонко, что близко избавление, и что идет Иагве с войском Коурэша, персидского царя, чтобы вернуть иудеев в землю обето-ванную.

4

Первое, что запомнил Беньюмин: темный и странный зуд на левой руке ниже плеча. На левой руке ниже плеча белели ноздреватые пятна. Точно солью посыпанная рана, зудели три белых пятна. Как раненый эфирский пес, падал Беньюмин на землю, тер руку о песок, терзал ее ногтями, а потом, отогнув пальцами правой руки кожу, целовал пятна горячими устами. Но боль не утихала. И только, когда дул северный ветер с болот, вставал Беньюмин и всей грудью вдыхал холод, с холодом покой.

Первое, что полюбил Беньюмин: ненависть жаркую и всеильную. В Вавилоне нашел его младенцем Еман, золотых дел мастер, названный отец его. Был Беньюмин прекрасен собой, и любил его Еман, как родного сына, но Беньюмин возненавидел его и ушел от него. И пришел к Амасаю, левиту и ушел от Амасая, левита. Много домов и много отцов переменил он, всюду благословение Иагве ложилось на дом хозяина его и на дела его, и на род его. Но Беньюмин уходил. Звериная душа была у него, мудрая, молчаливая и ненавидящая. Ненавидел он Вавилон, город, в котором родился, и прекрасную страну, откуда пришел отец его, и где жил отец отца его и бога Иагве, таинственного и чужого.

5